

— Фраза «Коль буду жив — вернусь к тебе, коль суждено погибнуть — в смерти буду тосковать» означает следующее...

Господин Дональд нечасто достаивал студентов подробными разьяснениями по их личным вопросам. Однако сейчас он заметно смягчился: даже перед лицом западного дракона ангел оставался беспристрастным и ответил с предельной мягкостью.

Он поправил на переносице очки в золотой оправе и одобрительно кивнул Ниденаге:

— Превосходно, студент Ниденага. Вижу, вы действительно прилежно внимаете моим словам.

— Если после занятий у вас возникнут трудности, не стесняйтесь: заходите ко мне в кабинет. Я отвечу на любые вопросы, касающиеся китайского языка.

Четырехкрылый херувим смотрел на него с поощрением, источая ту самую ауру вселенской любви и сострадания, с которой обычно взирают на великих грешников, вставших на путь истинный.

Получив нужный ответ, Ниденага тут же потерял к учителю всякий интерес. Он развернулся и молча направился к выходу, демонстрируя свою обычную холодную немногословность.

Но господин Дональд, считавший себя образцовым наставником, полагал, что нужно уважать индивидуальность учеников. Он лишь преисполнился ещё большей снисходительности к «прилежному студенту», который так жаждет знаний.

Стоило юноше выйти, как ангел обернулся к остальной аудитории, и его взгляд мгновенно стал холодным, как арктические льды.

— Посмотрите на студента Ниденагу! Человек даже после уроков продолжает изучать язык!

— А теперь взгляните на себя. Если кто-то из вас снова не сможет правильно написать числительные, будете переписывать их по сто раз!

— Учитель у вас один, методика та же... Как же у вас нет ни капли прогресса? Ваши мозги что, слизи захватили?!

***

Иностранные студенты, застигнутые этим шквалом негодования, пребывали в немом шоке.

«Мы же договорились все вместе лодырничать... Как ты посмел так втихую вырваться в отличники?»

«Ненавижу.jpg»

Тем временем Ниденага, ставший объектом всеобщей зависти, раскрыл учебник. На страницах громоздились нелепые каракули — хаотичные черные линии, которые лишь смутно напоминали иероглифы.

Он закрыл книгу, вновь и вновь прокручивая в памяти лицо Фу Лина в тот момент: мечтательное, сияющее, полное надежды.

«Коль буду жив — вернусь к тебе, коль суждено погибнуть — в смерти буду тосковать...»

Он шепотом повторил эту древнюю восточную мудрость. На Западе тоже было немало способов выразить нечто подобное.

Например, у Пастернака: «Я нелепо стал смешивать два слова: "я" и "ты"».

Что есть любовь? Наверное, именно это.

Нечто граничащее с безумием, лишаящее рассудка — безотчетное, абсурдное и яростное.

Ниденага не понимал любви и не стремился её изучать; он просто, почти до потери сознания, наслаждался каждой секундой рядом с маленьким золотым драконом.

«Если существует кто-то, кто обязан вернуться к тебе при жизни и тосковать после смерти...»

Дракон подумал, что это не так уж и сложно.

Что в этом вообще трудного?

Вернувшись в пустую комнату общежития, он с довольным видом явил свой длинный черный хвост. Великолепная чешуя переливалась под светом лампы всеми цветами радуги. В спокойном состоянии она напоминала детали изящного эластичного доспеха, но в момент опасности мгновенно твердела и вставала дыбом, способная вскрыть плоть до самых костей.

Юноша частично принял облик зверя: на голове прорезались рога, ладони превратились в когтистые лапы. Кончиками острых когтей он осторожно, почти бережно, коснулся каждой чешуйки.

Он тщательно выбирал самую красивую — ту, что росла у самого основания копчика.

Конечно, Фу Лин всё это досадно пропустил.

Потому что он снова сбежал в лес тискать змей!

Почему-то Фу Лин с самого детства совершенно их не боялся. Пресмыкающиеся, заведев его, не пытались уползти, а послушно замирали в руках.

К тому же на Востоке всегда жили легенды о змеях, способных со временем стать драконами. В подростковом возрасте, когда юноша свято верил в свою драконью природу, он в моменты грусти уходил в лес, выуживал какую-нибудь змейку и часами изливал ей душу.

Конечно, когда его однажды застукали за этим занятием, слухи о его странностях поползли с новой силой, и желающих дружить с ним стало ещё меньше. (Печаль)

Провозившись с подопечными несколько дней, маленький дракон сегодня раздобыл в университетской лаборатории партию новорожденных белых мышат и решил покормить их.

Ну и заодно подержать чешуйчатых в руках, чтобы унять «голод» по тактильным ощущениям.

Всё-таки играть с плюшевыми игрушками — это совсем не то. Настоящая змеиная кожа, так похожая на драконью, была куда приятнее на ощупь.

Фу Лин нырнул в лесную чащу. Его взгляд был острым: он мгновенно выцепил одну змею, ловко перехватил её за челюсть, проверил зубы и, погладив холодную спинку, скормил ей мышонка, после чего отпустил.

Внезапно обласканный «узорчатый полоз» замер в полном недоумении, сжимая в зубах добычу.

Сегодня юноша пребывал в образе «милостивого бодхисаттвы». Он погладил ещё пару змеиных головок, но азарт вдруг прошел. Он невольно огляделся, словно надеясь увидеть кого-то рядом, и, не обнаружив ни души, почувствовал, что затея потеряла смысл. Лучше вернуться в общежитие.

Скормив остатки мышей, он отряхнул ладони и, не оставив ни следа, отправился восвояси.

В комнату маленький дракон вошел в самом ленивом расположении духа. Ниденага сидел к нему спиной и, судя по всему, занимался чем-то крайне подозрительным.

Фу Лин мгновенно приободрился. Сверкнув глазами, он в два прыжка преодолел расстояние и навалился сожителю на плечи, бесцеремонно заглядывая через голову:

— Ну и что это мы тут прячем?!

Почувствовав на себе чужой вес, Ниденага даже не шелохнулся — его спина осталась прямой, как натянутая струна. Он казался странно счастливым, а уголки его обычно плотно сжатых губ едва заметно приподнялись.

Тот раскрыл ладонь. На ней лежала черная чешуйка.

С виду она казалась ничем не примечательной, но под светом лампы начинала искриться всеми цветами спектра.

Она походила на змеиную, но была гораздо крупнее — размером с четверть ладони, с идеально скругленными краями. Когда Фу Лин попытался её взять, он едва не порезался об её острую кромку.

— Что это? Откуда она у тебя? — изумленно спросил юноша, вертя подарок в руках. Проведя подушечкой пальца по краю, он заметил на нем крошечный след крови.

Его прошиб холодный пот. Кожа покрылась мурашками, а по телу разлился необъяснимый страх.

Пальцы дрогнули. Чешуйка легла на ладонь, и ему показалось, что он чувствует ту самую острую боль, с которой её вырвали из живой плоти — к ней будто всё ещё липли невидимые частицы крови.

В следующий миг иностранец резко развернулся и накрыл ладонь Фу Лина своей. Тот растерянно вскинул голову и увидел на губах мужчины тень торжествующей улыбки. Тот с явным удовлетворением склонился и нежно прижался лицом к руке юноши.

Блестящая чешуйка оказалась зажата между их кожей, и маленький дракон чувствовал, как она мерно надавливает на его ладонь при каждом движении Ниденаги.

Его сердце дрогнуло. Юноше почудилось, что он сам — эта чешуйка, зажата в чужой властной руке.

Скорее всего, это было лишь воображение. (Наверное)

Ниденага сейчас удивительно напоминал огромного пса: он послушно склонил голову, уткнувшись лбом в руку Фу Лина, в точности как в тех милых видео с питомцами, что когда-то

были популярны в соцсетях.

Казалось, стоит юноше лишь поманить его, и он тут же придет.

Ресницы Ниденаги подрагивали, бросая тень на глубокие золотистые глаза, в которых бушевало пламя. Он потерся подбородком о ладонь Фу Лина и издал тихий, почти неразличимый звук — глубокий гортанный рокот.

Драконий язык? Вовсе нет.

Просто древний ящер был настолько счастлив, что невольно издал этот звук блаженства.

Он произнес, и голос его был тверд:

— Пока я жив, я всегда буду приходить к тебе.

— Фу Лин, — дракон открыл глаза. В золоте его зрачков плескалось нечто хмельное и дурманящее. Ниденага чуть прищурился, и в уголках его глаз проступили морщинки — он улыбался. — Я буду жить очень, очень долго. И кто бы из нас ни ушел первым, в моей памяти ты навсегда останешься самым ярким светом.

— Пусть это послужит залогом.

У западных драконов нет понятия «слабое место на седьмом дюйме», но у них есть «обратная чешуя» — она растет под челюстью, возле самого кадыка, прикрывая самое уязвимое место.

Разумеется, это была не она. На самом деле, пока дракон не окажется на пороге смерти, его «обратная чешуя» остается неподвижной и крепкой, как скала.

Возможно, когда он будет умирать, он вырвет её и отдаст Фу Лину.

Но сейчас молодой и полный сил черный дракон не мог позволить себе такой жест. Ему оставалось лишь выбрать самую красивую чешуйку в качестве залога дружбы.

Он выглядел крайне самодовольным и, кажется, сам того не осознавая, решил пойти в атаку на конкурентов:

— У меня тоже есть чешуя. Те змеи... они не такие красивые, как я.

«Погладь меня. Ну же, погладь»

Взгляд Ниденаги буквально кричал об этом.

Фу Лин, ошеломленный его словами, застыл как изваяние. Он переводил взгляд с таинственной чешуйки на горделивое лицо собеседника.

Этот несносный иностранец абсолютно! Точно! Не понимает, что несет!

— Я же говорил тебе, что нужно серьезно учиться!!! — Фу Лин вскрикнул и закрыл лицо руками. Кончики его ушей полыхали, а щеки горели огнем.

Он с силой уткнулся лицом в ладони, наотрез отказываясь поднимать голову.

И как бы Ниденага ни пытался его расшевелить, юноша не сдавался.

Скрытый от чужих глаз, Фу Лин чувствовал, как пылает его лицо, а глаза наполняются влагой. Он судорожно вздыхал; сердце в груди колотилось так бешено, что ему не хватало воздуха.

Он не смел поднять взгляд. Не смел смотреть на Ниденагу.

«Спокойно, Фу Лин, только спокойно!»

Этот пылкий, сыплющий признаниями иностранец наверняка вложил в свои слова совсем другой смысл.

«Это просто... просто...» — бормотал он себе под нос, чувствуя, как внутри всё закипает от волнения.

— Хм? Фу Лин? — Видя, что тот не поднимает головы, дракон наклонился пониже и заглянул ему в лицо снизу вверх, пытаясь разобрать его бормотание.

Губы Фу Лина дрогнули. После мучительных колебаний он наконец выдавил, запинаясь:

— Ты... я... ты же просто хочешь сказать, что я тебе очень дорог... как друг? Лучший друг, верно?

Он уже сам не понимал, что чувствует — в голове был полный сумбур.

— Люблю Фу Лина, — отозвался иностранец. С довольным видом он улыбнулся и положил голову юноше на колени.

С такого ракурса ему было удобнее любоваться Фу Лином.

Удивительно красивый маленький золотой дракон.

Черный дракон удовлетворенно прищурился. Его взгляд был полон нежности, когда он повторил слова юноши:

— Лучший друг.

«А-а-а! Чёртов иностранец!»

«Я так и знал!»

Фу Лин разозлился на свое предательски колотящееся сердце. Он схватил лежавшую рядом подушку и с яростным видом прижал её к лицу Ниденаги.

«Да чтоб ты задохнулся!»

Сгорая от смущения и досады, он нащупал под подушкой плоть своего «заграничного друга» и со всей силы вонзил зубы.

Дыхание Ниденаги перехватило. Его кадык дернулся под чужими зубами, и только тогда юноша осознал, что укусил его за шею.

Но маленький дракон был слишком зол, чтобы отпустить. Напротив, он сжал челюсти ещё крепче, словно и впрямь вознамерился загрызть этого дракона.

В тесном, темном пространстве под подушкой Ниденага медленно поднял руку.

Тот вскинул глаза, мысленно бросая вызов:

«Ну давай, попробуй ударь меня!»

Но у дракона и в мыслях того не было. Он лишь мягко погладил Фу Лина по голове — бережно и снисходительно, как будто позволял ему немного поиграть.

«Вот же гад!»

Юноша яростно стиснул зубы.

«Ну и ладно, пусть тогда пеняет на себя!»

<http://bllate.org/book/15864/1441081>